

А. В. Мангилева

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ПО ДАННЫМ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА ЗА 1808 и 1818 гг.¹

Анализируются данные клировых ведомостей о материальном положении уральского духовенства в первой четверти XIX в. Исследуются источники доходов, сравнивается положение сельского и заводского духовенства, устанавливаются причины низкого уровня жизни некоторых клириков. Статья также демонстрирует возможности использования клировых ведомостей как исторического источника.

Вопрос о материальном положении русского православного духовенства в XIX в., в том числе и на Урале, до сих пор не представляется достаточно изученным. Жалобы самого духовенства в целом подтверждаются материалами центральных архивов, свидетельствующими о низких денежных доходах клириков [см.: Римский, 1999, 121–123, 137, 369–415]. Но помимо денежного жалования, которое получали лишь самые бедные причты и духовенство некоторых категорий храмов, денежных и натуральных сборов с прихожан, имелись и другие источники доходов. Это прежде всего земля, выделяемая сельским церквям по Генеральному межеванию, и собственное хозяйство клириков, которое могло стать весьма существенной статьёй доходов — об этом свидетельствуют клировые ведомости.

Несмотря на существование официально установленного формуляра клировой ведомости, реально объем информации в них довольно сильно варьируется в каждом конкретном случае. Вероятнее всего, ежегодно благочинным священникам предлагалось обращать особое внимание на отдельные вопросы формуляра, присылался новый вариант оформления ведомости (откуда исходила эта инициатива — из консистории, духовного правления или Синода — определить пока сложно). Но большую роль могла играть инициатива самих благочинных: иногда в ведомостях по уезду, составленных более или менее стандартно, встречаются более подробные записи по одному благочинию. Именно такие записи и будут предметом анализа в данной статье, хотя, конечно, число их слишком незначительно для того, чтобы делать на их основе какие-то глобальные выводы, но несколько прояснить ситуацию они помогут.

В двух клировых ведомостях по Верхотурскому уезду, относящихся к первой четверти XIX в., содержатся подробные записи по отдельным благочиниям за 1808 [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 429] и за 1818 гг. [Там же, д. 437]. Благочинные отмечают наличие у духовенства собственного жилья, количество домашнего скота (в 1808 г. отметки, как правило, краткие: «Домостроительство и скотоводство имеет» с оценкой качества того и другого: «изрядное», «посредственное» и т. п., но иногда сосчитаны даже куры и гуси во дворах; в 1818 г. отметки в целом более подробны), также отмечено, занимаются ли клирики земледелием или какими-нибудь ремеслами. Границы благочиний за десять лет поменялись, изменился, естественно, и личный состав духовенства в приходах, но в некоторых случаях сопоставление записей относительно одного и того же клирика

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 07-01-83102 а/У.

в обеих ведомостях позволяет судить об изменениях, происшедших в течение этого периода, и сделать предположения о причинах подобных изменений.

Прежде всего обращает на себя внимание количество домашнего скота у некоторых клириков — вполне достаточное для небольшой фермы. Священник Степан Алексеевич Голубчиков, которому в 1818 г. исполнилось 53 года, имел 2 лошади, 10 голов «рогатого» скота (подразумеваются прежде всего коровы), 5 овец, 3 свиней, 10 кур. Он «занимался хлебопашеством», но дома своего не имел [Там же, д. 437, л. 16 об. — 17] — значит, проживал либо в съёмной квартире, либо в доме, предоставленном приходом, что вероятнее, поскольку иначе он вряд ли развел бы такое большое хозяйство.

Диакон Алексей Петрович Иконников, 35 лет, к этому же времени обзавелся 5 лошадьми, 10 коровами, 4 овцами и 10 курами; он также занимался пахотой, имел, хоть и «средственный», дом. Правда, благочинный отмечал, что Катехизис хозяйственный диакон знает лишь «отчасти» [Там же, л. 17 об. — 18]. Его брат, диакон Федор, 30 лет, еще более успешен: при «порядочном» доме у него 10 лошадей, 11 коров, 6 овец, 9 свиней, 12 кур, занимался хлебопашеством [Там же, л. 46 об. — 47].

Церковнослужители (дьячки и пономари) не отставали от священнослужителей и вполне могли компенсировать недостаток полученных за церковную службу средств доходами от хозяйства. Дьячок Михаил Саввич Дюков, 33 лет, обучавшийся до 3-го класса в семинарии, имел дом, 11 лошадей, 7 коров, 5 овец, свинью и 16 кур, занимался пахотой [Там же, л. 51 об. — 52] — скорее всего, у такого примерного клирика были неплохие перспективы быть рукоположенным в диаконы, даже несмотря на не слишком высокий образовательный уровень. Дьячок Семен Тимофеевич Старцов, 1761 г. рожд., в 1808 г. «дом и скот имеет. Занимается рачительно хлебопашеством». В 1818 г. уточняется, как вознаграждено его «рачение»: дом «хороший», 10 лошадей, 15 коров, 7 овец, 10 свиней, 10 кур. Благочинный даже делает вывод: дьячок — «достаточный» [Там же, л. 46 об. — 47]. Правда, он, как и диакон Алексей Иконников, Катехизис «отчасти знает», но это может объясняться возрастом.

Возраст клирика здесь указывается постольку, поскольку накопить такой достаток в течение короткого времени было сложно. Диакон Захарий Григорьевич Рыболовлев в 1808 г. служит в Невьянском заводе и не слишком преуспевает: «дом частью ветхий», лошадь, 2 коровы, 10 кур; «хлебопашеством» диакон не занимался [Там же, д. 429, л. 27 об. — 28]. В 1818 г. он уже священник в Мурзинской слободе, обладатель собственного дома, 3 лошадей, 8 коров и 7 овец² [Там же, д. 437, л. 55 об. — 56]. Священник Алексей Матвеевич Серебренников из Краснопольской слободы в 1808 г. имеет «дом посредственный», лошадь, 3 коров, 2 гусей и 12 кур, а спустя 10 лет — дом, лошадь, 11 коров, 4 овец, 4 свиней, 3 гусей и 20 кур [Там же, д. 429, л. 39 об., 40; д. 437, л. 47 об. — 48].

Впрочем, хозяйство не всегда начиналось с нуля: получив место в том же храме, где прежде служил отец, можно было со временем унаследовать и его «движимое и недвижимое». Пономарь Григорий Степанович Земляницын, которому в 1818 г. исполнилось всего 15 лет, уже вполне обеспечен: «дом отцовский хороший», лошадь, 8 голов

² Захарий Рыболовлев совершает довольно занимательные «карьеристские» путешествия между двумя приходами. Дьячком он был назначен в Невьянский завод, но через три года (в 1795 г.) переведен в Мурзинскую слободу «Во диакона», как уже было сказано, рукоположен к Невьянскому храму в 1807 г., а «во священника» — в 1815 г. снова в Мурзинку. Возможно, что диакон не стремился поправить свой «отчасти ветхий» дом именно потому, что приглядывался к ситуации на полюбившемся соседнем приходе и анализировал складывающуюся там ситуацию (см.: ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 426 (1807 г.), л. 33 об. — 34).

«рогатого» скота, 7 овец, 2 свиньи, 7 кур, 1 индюшка [Там же, д. 437, л. 26 об. — 27]. Живет пономарь с матерью и братьями, так что не место в церковном штате обеспечило ему достаток, а назначен он на должность ради сохранения семейного достоинства после смерти отца.

Подобный же пример — дьячок Осип Ефимович Хомяков, вместе с которым проживают в доме умершего отца его тетка, сноха и племянник, как владельцы дома и скота указаны дьячок и жена его брата³ [Там же, д. 429, л. 49 об. — 50]. Диакон Иван Яковлевич Дягилев, благодаря обучению в семинарии «по риторике», смог жениться на осиротевшей дочери священника⁴ и поселился в «исправном» доме тещи [Там же, л. 27 об. — 28]. Интересно, что хозяйство теща и зять ведут раздельное: у него скота нет, тогда как она держит корову и десяток кур. Кроме того, она занимает место просвирни и получает от помещика за эту работу 50 рублей в год⁵ [Там же, л. 30 об.]. Состарившийся вдовец диакон Иван Тимофеевич Попов, видимо, из-за отсутствия собственных сыновей, забирает к себе в дом племянника — пономаря Афанасия, который помогает ему по хозяйству (оно записано как общее [Там же, л. 81 об. — 82 об.]), при том что родители Афанасия живы, проживают в той же Аятской слободе, но его отец — пономарь Ефим Тимофеевич — уже выведен за штат, и вся его семья (муж, жена и двое детей) значатся на пропитании Афанасия [Там же, л. 49 об. — 50]. Все эти факты свидетельствуют о том, что дядя хочет дать шанс племяннику получить в будущем не отцовское (пономарское), а свое (диаконское) место. Действительно, после 1808 г. сведений об Иване Попове в ведомостях нет, а вот Афанасий Попов в 1815 г. рукоположен в сан диакона церкви Аятской слободы, явно перешедший к нему по наследству от дяди [Там же, д. 436, л. 44 об. — 45].

Наличие большого числа лошадей в хозяйстве связано, естественно, с земледелием. У тех, кто «хлебопашеством» не занимался, лошадей обычно меньше, но может быть много коров — явно больше, чем необходимо для удовлетворения потребностей собственной семьи. Создается впечатление, что продажа именно молочных продуктов чаще всего была источником дополнительных денежных поступлений в зажиточных семьях сельского духовенства. Что касается земледелия, то хотя отметки о занятиях «хлебопашеством» встречаются не так уж редко (в 29 случаях из 121 рассмотренного), величина наделов вряд ли была значительна. Имеются лишь единичные случаи указания величины надела. У священника Ивана Михайловича Слопцова обозначены в обеих ведомостях 3 десятины земли, «расчищенные и огражденные собственными его трудами». В 1808 г. у него также имеются 5 лошадей, 4 коровы, 4 овцы, 3 гуся, 10 кур и дом, «строением средственный» [Там же, д. 429, л. 38 об. — 39]. В 1818 г. в хозяйстве произошли некоторые изменения: лошадей осталось 3, зато коров стало 8, 7 овец, 2 свиньи, 10 кур — это несмотря на то, что священник «от престарелости временно бывает в здоровье слаб», но и «по должности упущения не видится» [Там же, д. 437, л. 64 об. — 65].

³ Примечательно при этом то, что вдова брата значится в ведомости как лицо вполне самостоятельное, тогда как ее сын и незамужняя тетка приписаны к 17-летнему дьячку как к главе семьи.

⁴ Традиционная награда для семинаристов — женитьба на невесте с приданым в виде отцовского места; особо выгодной женитьба на сироте могла представляться тем семинаристам, которые, как в данном случае (ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 424, л. 178 об. — сын дьячка), были сыновьями причетников, а потому не могли получить священнослужительское место как отцовское наследство.

⁵ Причина, по которой теща не пожелала вести с зятем совместное хозяйство, возможно, указана в последующих ведомостях: в 1817 г. диакон уже «несет должность депутата», но при этом «в поведении от пьянства в должности мало исправен», «за слабое поведение был послан в семинарское правление в труды» (ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 436, л. 51 об. — 52).

Вероятно, количество десятин указывалось именно тогда, когда это была собственная земля, а не принадлежащая храму. Священник Алексей Матвеевич Старцов, 1776 г. рожд., в 1808 г. обладал «исправным» домом, 4 десятинами пахотной земли, 3 лошадьми, 3 коровами и 50 курами [Там же, д. 429, л. 45 об. — 46]. В 1818 г. уточняется, что дом «каменный»; лошадей стало 4, коров — 5, овец — 2, но зато батюшка, который в это время исполняет обязанности благочинного, по-прежнему приверженец птицеводства: у него 15 кур, 5 индеек и 5 гусей. Правда, его коллега отмечает: «по должности благочиннической медлителен» [Там же, д. 437, л. 54 об. — 55]. Исполнение благочиннических обязанностей отнимало много времени, и, к примеру, любитель подробностей протоиерей Михаил Иванович Кириллов о себе был вынужден сообщить: «Дома своего не имею, а живу в церковном, при котором службы все, хотя ветхие, есть. Скотоводство имею малое. Рукоделием никаким, кроме рисования, не занимаюсь» [Там же, л. 70 об. — 71].

Наконец, обладатель самого большого из указанных наделов (5 десятин) диакон Иван Георгиевич Дюков, 1767 г. рожд., имевший «посредственный» дом, 7 лошадей, 15 коров, 6 овец, 2 свиней, 19 кур, 4 гусей, был «временно замечен в винопитии», а «в поведении распутен». При этом у него «в должности упущения не видно» [Там же, л. 65 об. — 66 об.].

Столь же крепко стоит на ногах, несмотря на «временное винопитие», священник Григорий Семенович Рыболовлев. В 1808 г. у него имеется «посредственный» дом, 2 лошади, 9 коров, 6 овец, 3 свиньи, 5 пар гусей, 18 кур [Там же, д. 429, л. 39 об. — 40]. Десять лет спустя его положение не сильно изменилось: дом оценивается уже как «исправный» (купил другой? менее придиричивый благочинный?), имеются все те же 2 лошади и 9 коров, лишь мелкой скотины и птицы стало меньше (4 овцы, 2 свиньи, 4 гуся, 15 кур). В должности же «по крепкой натуре упущения не предвидится» [Там же, д. 437, л. 64 об. — 65 об.]. «Крепкая натура» помогала, видимо, поддерживать на должном уровне и хозяйство, но вполне может быть, что сокращения коснулись как раз того сектора, которым занималась сама семья, а неизменным остался тот, в котором были заняты наемные рабочие руки, поскольку естественно, что пасти, доить, запастись корм для 9 коров самой семье было не под силу. Вопрос же о найме батраков в хозяйстве духовенства в исторической литературе вообще еще не рассматривался, поскольку обнаружить сведения по нему в источниках практически невозможно. Тем не менее приведенные примеры доказывают, что найм рабочей силы должен был иметь место, и в довольно значительных масштабах, хотя нанимающий батраков пономарь... как-то плохо вписывается в рамки существующих представлений.

Таким образом, уральское духовенство представляется вполне зажиточным, и уровень развития отдельных хозяйств наводит на мысль об их связи с рынком. Но насколько выделялись подобные хозяйства на общем фоне уральской деревни? Каков был уровень развития крестьянских хозяйств, можно ли их сопоставить с рассмотренными выше? Ю. С. Зобов приводит данные, касающиеся помещичьих крестьян Оренбургской губернии середины XIX в.: «Как показывают подворные описи, обычно в пользовании середняцкого двора находились 2—4 лошади, 1—2 коровы, 10—15 овец, 2—3 свиньи, 10—20 голов домашней птицы. <...> В ряде имений крестьяне при сравнительно небольших размерах семьи (4—6 человек) имели хорошую обеспеченность лошадьми (4—6 и более голов)» [Зобов, 1988, 124—125]. Последний факт автор статьи объясняет тем, что избыточный рабочий скот крестьян заставляли держать помещики, применяющие барщину. Для хозяйств духовенства подобное объяснение неприемлемо, но здесь может подойти другое, данное Н. М. Дружининым. В монографии, посвященной

государственному крестьянству во второй четверти XIX в., он пишет о горно-заводских районах Урала: «...Здесь, в связи с ростом торговли и промыслов, выделялись богатые крестьяне, которые засевали большие земельные участки в 30 десятин и выше, имели много скота, до 10—20 лошадей и 10—15 дойных коров, разводили птицу, занимались пчеловодством, держали мельницы, нанимали годовых работников. Такие крестьяне <...> продавали избыток своего хлеба, зимой отправляли своих лошадей на возку руды и металлов, перевозили купеческие клади, перебрасывали на заводские торжки закупленные в Екатеринбурге мясо и рыбу» [Дружинин, 1946, 75].

Духовенству запрещена торговля, но только в том смысле, что ему нельзя иметь собственные лавки (это позволено только вдовам клириков), а вот отправлять на рынок продукцию собственного хозяйства, отдавать своих лошадей для перевозки грузов, сдавать торговые помещения в аренду оно вполне могло. Например, 48-летний священник Кушвинского завода Максим Георгиевич Козельский «живет весьма достаточно по причине, что держит постоя, имеет лавки и работает на копях» [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 429, л. 118 об. — 119].

В целом можно отметить сопоставимость данных по «достаточным» хозяйствам духовенства и богатым и середняцким крестьянским хозяйствам Среднего и Южного Урала. В хозяйствах духовенства Верхотурского уезда меньше овец, чем у крестьян Оренбургской губернии, но это объяснимо различием природных условий (для степных районов Оренбуржья естественно преобладание мелкого рогатого скота), зато в Верхотурском уезде держали больше коров (что характерно и для крестьянских хозяйств). По сравнению с зажиточными крестьянами духовенство имело меньше земли, но это объясняется тем, что земледелие требовало много времени, которое пришлось бы отрывать от треб. При сравнении «среднестатистического» хозяйства крестьянства и духовенства следует помнить и о меньшем количестве в последнем рабочих рук: если в крестьянской семье могли работать на земле и подростки, то клирик мог рассчитывать на помощь только подросших дочерей. Мальчики обязаны были отправиться на учебу как раз в том возрасте, когда их ровесники-крестьяне начинали все более активно включаться во взрослую трудовую деятельность, и здесь перед отцами семинаристов вставала дилемма: рано вернувшийся из школы отпрыск мог получить церковнослужительское место в приходе и стать помощником по хозяйству, но шансы быть рукоположенным в священнослужителя для него становились с течением времени все меньше. Небольшие наделы клириков⁶ могли обрабатываться и без специального найма батраков, только крестьянская «помочью»⁷, за которую расплачивались угощением. Основные трудозатраты приходились явно на скотоводство. Что касается зерна, то основным его источником для духовенства была, видимо, не собственная распахка, а сборы с крестьян — руга. Зерно требовалось не только для собственного потребления, но и для

⁶ Средние размеры надела на ревизскую душу в Пермской губернии в 1828 г. определялись в 28 десятин (см.: Дружинин, 1946, 90). Даже с учетом, что эти данные не точны и в начале 1840-х гг. размеры надела определялись уже в 5—8 десятин на душу (см.: Там же, 318), размеры надела на семью духовенства представляются весьма незначительными.

⁷ «Один человек с двумя лошадьми, сабаном (плугом. — А. М.) с двумя сошниками и бороной с 16-ю железными зубьями мог распахать и забороновать одну десятину за два дня. <...> За день могли сжать одну десятину озимого хлеба 8 чел., а ярового — 12» (Зобов, 1988, 122). Крестьянскую «помочью» духовенство могло себе обеспечить и не вполне законным путем — угрожая отказом в венчании брака; «помочью» в таком случае рассматривалась как дополнительная оплата требы (см.: Бернштам, 2005, 215). На уральском материале, правда, таких случаев выявить не удалось.

кормления птицы; для того чтобы держать 50 кур, зерна требовалось в избытке, так что большое количество птицы также является показателем стабильности хозяйства в целом. Большое количество птицы также указывает на связь хозяйства с рынком: для семьи оно явно излишне, особенно с учетом того, что во время сборов с крестьян духовенство получало не только хлеб, но и яйца, и битую птицу

Однако не все духовенство обладало подобным достатком. Записи благочинных свидетельствуют о существовании значительного количества «скудных» хозяйств. Естественно предположить, что в их число попадут прежде всего хозяйства молодых, недавно поступивших на службу церковнослужителей. Такие примеры, действительно, есть. Пономарь Максим Иванович Максимов, двадцати лет, занявший место в церковном штате в 1814 г., не имеет ни дома, ни скота. Он может себе это позволить, поскольку еще холост [Там же, д. 437, л. 67 об. — 68]. Так же легкомысленно ведет себя дьячок Георгий Иванович Пузырев, хотя ему уже 26 лет, он обучался риторике, служит уже 10 лет, и благочинный доверяет ему вести свою документацию. Единственное свидетельство его дум о будущем — начало строительства дома. Вероятно, и здесь причина «бесхозяйственности» — отсутствие жены [Там же, д. 429, л. 28 об. — 29], но с данными Георгия Пузырева следовало бы поспешить с женитьбой: у него есть все шансы быть рукоположенным. Пономарь Василий Иосифович Ребрин, несмотря на женитьбу и три года службы на приходе, также не обзавелся ни домом, ни скотом [Там же, л. 42 об. — 43]. Сведения о нем после 1808 г. отсутствуют, возможно, он изначально готовился к переводу на другой приход. Исчезают после 1808 г. и сведения о дьячке Алексее Петровиче Распопове, который, однако, начинал заниматься строительством дома, так что вряд ли собирался переводиться на другой приход. Этот дьячок умудрялся жить с женой и тремя детьми только на церковные заработки и доходы от «рукоделия деревянных ящиков» [Там же, л. 28 об. — 30] (вероятно, он делал заготовки для сундуков, которыми славился Невьянский завод⁸ — место службы Распопова).

Как ни странно, молодые священнослужители также не торопятся обзаводиться хозяйством (хотя они-то как раз женаты и должны бы уже подумать о семье). Причина здесь, скорее всего, кроется в образовательном цензе: теперь уже кажется неприличным чрезмерно погружаться в низменную сельскохозяйственную стихию. Возможно, примерно так рассуждал священник Иван Михайлович Анциферов, обучавшийся всего-то лишь «по риторике», хотя в соответствии с указом 1799 г. в священники было разрешено рукополагать лишь окончивших полный курс семинарии: на Урале наблюдался недостаток образованных кандидатов на священнослужительские места, поэтому указ выполнялся плохо. В 26 лет Анциферов не имел собственного дома, обзавелся лишь одной коровой, и в целом «достатка малого» [Там же, д. 437, л. 28 об. — 30].

Других не доводит до добра неоднократно упомянутая «пьянственная страсть». Один из ярких примеров — священник Яков Щетинин. В ведомости за 1807 г. о нем было сказано: «Был бы поведения доброго, если бы нередкое употребление горячего не расстраивало оно» [Там же, д. 426, л. 111 об. — 112]. Дело дошло до того, что его

⁸ «К старым невянским промыслам — каретному, колесному и др., прибавился новый, затмивший прежние, — это был сундучный промысел. В нем осуществлялось весьма любопытное разделение труда: 23 столяра делали ящики, 15 слесарей — замки, 9 чеканщиков чеканили металлические листы, 56 мастеров оковывали сундуки. Всего, следовательно, в этом промысле было занято до сотни человек» [Иофа, 1951, 274]. В середине XIX в. сундучный промысел оставался для Невьянска ведущим, но «ящичное» производство указывается к этому времени как самостоятельное [см.: Там же, 363].

среднюю дочь Параскеву в 1800 г. забрали к себе в Тюмень родственники. Между 1806 и 1807 гг. он овдовел, и теперь вместе с ним мыкаются старшая и младшая дочери (младшей девочке в 1808 г. исполнилось три года, так что старшая, 15-летняя, сестра, видимо, играет роль няньки) [Там же, д. 429, л. 158 об. — 159]. Молодой (23 года) священник Ксенофонт Слопцов, доучившийся до предпоследнего, философского, класса семинарии, в 1817 г. «был запрещен» в священнослужение за пьянство. По просьбе матери-вдовы он был определен в Мурзинскую слободу на причетническое место «для пропитания» и теперь живет в материнском доме вместе с женой и дочерью [Там же, д. 437, л. 58 об. — 59]. На всех — одна корова. И последний пример — «запрещенный» диакон Василий Васильевич Дягилев. «Запрещен» он был за пьянство в 1806 г., причем все последующие годы отмечается, что он ведет себя «не худо» [Там же, д. 424, л. 137 об.; д. 429, л. 105 об. — 106; д. 436, л. 72 об. — 73]. К моменту «запрещения» он уже был вдовцом, детей у него не было, но церковных доходов ему, по его словам, не хватало: «...К должности не усерден, ибо, по словам его, не имея чем себя содержать, принужден часто отвлекаться от оной упражнением в своем ремесле» [Там же, д. 437, л. 90 об. — 91]. Возможно, это — просто отговорка, но отговорка должна выглядеть убедительно.

Характерно, что среди «недостаточных» много вдовцов: женщина принимала на себя большую часть забот по хозяйству, с ее утратой муж, для которого ведение домашнего хозяйства не было основным занятием, зачастую переставал с ним справляться. У пономаря Федора Сапожникова жена умерла в 1808 г. [Там же, д. 429, л. 147 об. — 148]. Видимо, постепенно хозяйство стало приходить в упадок. Дом пономаря в 1818 г. назван «ветхим», т. е. он и не пытается привести его в более сносное состояние. Земледелием он перестал заниматься [Там же, д. 437, л. 40 об. — 41]. Правда, в данном случае причиной мог стать и возраст.

Перестал «заниматься хлебопашеством» и сравнительно молодой (42 года) диакон Фотий Юдин [Там же, л. 40 об. — 41]. Сравнение данных за 1808 и 1818 гг. показывает, что подобные случаи были единичны, так что говорить о какой-то тенденции сложно (причинами могли стать возраст, болезнь), но вот противоположных примеров (чтобы клирик вдруг со временем занялся земледелием) вообще не встречается. Пока что можно лишь обратить внимание на этот факт.

Похоже, что однократный перевод с прихода на приход не слишком сильно сказывался на благосостоянии духовенства, к тому же в этот период перевод происходил, как правило, по просьбе самого клирика и бывал зачастую связан с повышением в должности либо с получением места в более богатом селе. Священник Андрей Иванович Удинцов, 35 лет, переведенный в Мурзинскую слободу из Ирбитского уезда [Там же, л. 56 об. — 57], уже в следующем году имеет собственный каменный дом, 2 лошади, 5 коров, 5 овец, 15 кур, 2 гусей. Петр Иванович Черепанов, однако, от перевода, хоть и с повышением, потерял: он служил на Салдинском заводе, был рукоположен в 1815 г. в диакона к церкви Висимоуткинского завода, через год вернулся священником в Салду, но дом уже потерял [Там же, д. 429, л. 111 об. — 112; д. 437, л. 93 об. — 95]. Но у него есть возможность наверстать упущенное. Тем же, кто переводился в качестве наказания, и терять было нечего.

Наиболее незащищенной в экономическом плане частью сословия были заштатные клирики, вдовы и сироты. Часто они не находятся на содержании у родственников. Для тех, кто продолжал жить самостоятельно, видимо, достаточно характерен пример вдовы дьячка Марфы Ивановны Мухиной — у нее есть дом и корова. При этом ее единственный родственник, указанный в клировой ведомости, — свекор диакон

Яков Мухин — живет «недостаточно» [Там же, л. 109], так что смысла перебираться к нему на жительство явно нет. Тем не менее и их положение не такое уж безнадежное. Настоящая предпринимательница — вдова диакона Ксения Семенова Дерябина, которая «содержание имеет от своего дому и лавок, отдаваемых ею в наем. Заимствует частью у родственников» [Там же, л. 75 об. — 76]. Как видим, и ей приходится обращаться за помощью к родным.

Среди необычных способов заработка — обучение детей (так зарабатывает себе пропитание «уволенный за болезнью сторож» Семен Мартынов). Вероятно, именно из-за болезни он не смог занять место в приходе и был отправлен в сторожа в духовное правление, к городскому собору или в духовную консисторию. Интересно, что даже минимального семинарского образования этот учитель не получил [Там же, л. 18 об. — 19].

Попавшие за штат члены сословия могли рассчитывать на помощь со стороны прихожан. Заштатный диакон Евфимий Хомяков, хотя и имел собственный дом и скот, но продолжал также получать от прихожан хлеб (видимо, они хорошо к нему относились) [Там же, д. 429, л. 68 об. — 69 об.].

Вдова диакона Марфа Филипповна Дягилева получала от конторы Петропавловского завода 50 руб. в год за печение просфор, но у нее не было собственного дома — значит, и квартиру ей предоставил завод [Там же, д. 437, л. 112 об.].

В целом определить причины «малодостаточности» духовенства довольно трудно. Необходимо учитывать уровень достатка прихожан, о котором в клировых ведомостях упоминается, как правило, вскользь, тем более если речь идет о сельских приходах, где, в отличие от заводов, нельзя указать точных размеров получаемых доходов. Многое зависело и от расположения прихожан: понятно, что любимый клирик получал больше и вознаграждения за требы, и хлебных или денежных сборов. Кроме того, традиционно считается, что заводские клирики были беднее сельских⁹ (хотя пример священника Максима Козельского из Кушвинского завода доказывает, что и на заводе можно иметь хороший достаток, если подойти к делу с умом).

Что касается занятий ремеслом, то наибольшей популярностью в среде уральского духовенства пользовалось чеботарное и сапожное мастерство.

Всего в рассмотренных клировых ведомостях приводятся подробные сведения о 121 клирике. Конечно, сложно сказать, по каким критериям благочинные определяли, какое хозяйство можно признать «посредственным», «скудным» или «достаточным», проще всего, пожалуй, выделить хозяйства «недостаточные»: допустим, что это хозяйства, в которых держат не более одной лошади и коровы (занятия ремеслом не учитываются, поскольку они вряд ли приносили стабильный доход; не берется во внимание и отметка о состоянии дома). Не учитываются такие пометки, как, например: «1 корова; достаток средний», поскольку в данном случае уровень благосостояния определен самим благочинным. Не учтены также те хозяйства, в которых, помимо крупного скота, имеется несколько голов мелкого и птица, те хозяйства, в описании которых имеется пометка «скотоводство малое», поскольку в данном случае благочинный все-таки счел нужным отметить наличие скота (а потому можно предположить, что количество голов скота все-таки не было минимальным). Откровенных же «аутсайдеров» насчитывается

⁹ Приведем пример: «Приход у отца был маленький, и соответственно с этим были малы доходы. Деревенские приходы, конечно, были лучше, особенно в благословенном Зауралье, но отец ни за что не хотел туда идти, потому что там священники ходят по приходу с “ручкой”, собирая “петровское”, “осеннее” и “ругу”. Он предпочел свою бедную заводскую независимость» [Мамин-Сибиряк, 1975, 394].

22 человека (18 % от общего числа). К «скудным» условно отнесем тех, кто так и назван самими благочинными, у кого стоит отметка «скотоводство малое», а также тех, у кого общее количество голов крупного скота (лошадей и коров) не превышает трех и сравнительно мало мелкого скота и птицы. Таких в ведомостях насчитывается 21 человек (17 %), следовательно, имели доход ниже среднего уровня примерно 35 % клириков — цифра немалая.

Дабы не дробить и дальше характеристики уровня достатка, выделим только самую зажиточную часть духовенства. В качестве критерия вновь возьмем количество голов крупного скота: допустим, не менее 10 в совокупности. Придется тогда исключить отметки вроде «достаточное», «изрядное» — думается, 8 коров тоже можно отнести к «достатку», нас же будут интересовать максимальные цифры. Тех, у кого указано интересующее нас количество скота, насчитывается 19 человек (16 %), но, как уже было сказано, это число скорее всего несколько занижено по сравнению с реальностью. Тем не менее оставшиеся 59 человек (49 %) вполне могут быть отнесены к тем, кто обладал вполне достаточными доходами, так что в целом мы можем сказать, что уровень жизни уральского духовенства был не так уж и низок (тем более что, как уже было сказано, доходы от ремесла при определении уровня достатка не учитывались, так что в число «скудных» могли попасть и обладатели среднего достатка).

Недостаток церковных доходов вполне мог компенсироваться за счет развития собственного хозяйства. Представленный материал заставляет с большей настороженностью относиться к постоянным жалобам духовенства синодального периода на свое материальное положение. Речь скорее должна вестись о том, что доходы духовенства, полученные за службу, были недостаточны для того, чтобы заниматься только церковным служением. Вынужденные значительную часть времени уделять ведению хозяйства клирики становились равнодушнее к делам прихода, что вызывало порицания со стороны паствы.

«Малодостаточных» клириков выявлено также немало, поэтому данный материал свидетельствует о том, что вопрос об уровне жизни духовенства нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением новых материалов и источников.

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1946.

Зобов Ю. С. Хозяйство помещичьих крестьян Южного Урала в первой половине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988.

Иофа Л. Е. Города Урала. Ч. 1. М., 1951.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Отрезанный ломоть // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975.

Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999.

Статья поступила в редакцию 27.06.07.